

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 15

«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ

СТРУКТУРЫ ИНЫХ МИРОВ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

ознакомительный фрагмент

Омск 2021

В пятнадцатый, и весьма объемный, том сочинений Игоря Петракова вошли две литературоведческие работы. Первая из них посвящена повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», вторая – содержит обзор фантастических произведений, касающихся иных миров.

«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ

данная работа была выполнена в январе — феврале 2017 года

Содержание

1. ВВЕДЕНИЕ
2. СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ
  - 2.1. ШАРИК
  - 2.2. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
  - 2.3. БОРМЕНТАЛЬ
  - 2.4. ШАРИКОВ
  - 2.5. ШВОНДЕР
3. ДОКУМЕНТЫ В ПОВЕСТИ
4. СМЫСЛ ФИНАЛА
5. КОДЫ «СОБАЧЬЕГО СЕРДЦА»
6. БИБЛИОГРАФИЯ
7. СПИСКИ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

1. Цель и задачи исследования.

В преддверии 100-летнего юбилея Октябрьской революции — переломного момента в жизни России, все более актуальным становится обращение исследователей к сюжету одной из самых загадочных повестей Михаила Булгакова - «Собачье сердце». Назревает необходимость осмысления образов повести, однако, не только с позиций «социалистического общества», но и с позиций общечеловеческой морали и нравственности. Целью исследования является не только обзор и критика современных прочтений повести, но и выдвижение и защита собственных гипотез, касающихся следующих концептов:

- 1) Карнавальность повествования, «масленичность» образа Шарикова.
- 2) Моральный выбор Преображенского и Борменталья в финале повести.
- 3) Христианский подтекст «С.с.»

2. Основные теории исследователей

Повесть «С.с.» рассматривается исследователями в основном в следующих аспектах:

- 1) Повесть о создании средствами Советской власти нового «социалистического» человека.
- 2) Повесть об эксперименте с созданием «гомункулуса» (человека из пробирки).
- 3) Карнавальное действие с героем — оборотнем.
- 4) Сатирический эксперимент автора по описанию современности 20-х годов.

В трактовке сюжета и смысла повести в последние годы исследователи, как правило, отдают предпочтение следующим двум теориям:

1) социологизаторская теория

Становится все более популярной в последнее время. Согласно этой теории, попытка Преображенского создать и воспитать Шарикова - калька с попытки Советской власти воспитать "нового человека". Так сказать, воплотить в действительность лозунг "Кто был ничем - тот станет всем".

Приверженцы этой теории особенно упирают на то, что предшественником Шарикова была не столько собака Шарик, сколько "пролетарий" Клим Чугункин - порождение новой,

послереволюционной действительности. Клим успешно играет на балалайке, ненавидит буржуев, и едва не погибает, будучи раненым в пьяной драке ножом. Профессор Преображенский, таким образом, якобы возвращает Клима к жизни.

Действительно, от Шарика в новом, вновь созданном гражданине Шарикове лишь стремление вычесывать блох и неприязнь к котам. От этих привычек Преображенский обещает его вскоре излечить. Но как излечить вековую сущность Чугункина? А ведь именно это человекоподобное существо поставлено во главу угла, считают исследователи, большевистской властью. Чугункина - Шарикова в повести просвещает и воспитывает Швондер - представитель новой власти. Он, в частности, дает ему почитать переписку Энгельса с Каутским. Шариков пытается вяло спорить со Швондером - видно, что "социалистические" идеи его не особенно увлекают. Также не увлекает его перспектива героически сражаться за Советскую власть. Шариков заявляет, что ему "белый билет полагается".

В этом отношении он вовсе не типичный "пролетарий". К труду Шариков не приучен. Он умеет лишь ловить кошек (да и то благодаря своему "собачьему сердцу"), служа в подотделе очистки. Очевидно, Клим Чугункин был лишен и этого дара.

2) философская теория - теория "гомункулуса"

Повесть считается критикой потуг науки создать "нового человека", улучшив его природу. Представитель науки - профессор Преображенский (и примкнувший к нему Борменталь) пытаются путем пересадки гипофиза сотворить нового "гомункулуса". Однако полученное существо мало похоже на человека.

Начинает оно с отборной ругани, подслушанной, вероятно, в очередном кабаке Климом Чугункиным. Продолжает - приставаниями к бедным посетительницам и соседкам героев. И своего апогея достигает, научившись кое-чему у Швондера. Чего стоит одна его только фраза "У самих револьверы найдутся".

Любопытно, что мотив выращивания "гомукулуса" есть и в "Мастере и Маргарите". Только в романе это предлагает мастеру Воланд - представитель темных сил.

Один из примеров социологизаторской теории - статья В. Петрова "Художественная историософия в прозе Михаила Булгакова".

"Одним из наиболее ярких примеров того, как через призму фантастического сюжета просвечивают современные проблемы, по праву считается повесть «Собачье сердце». Сугубо медицинский эксперимент здесь превращается в эксперимент социальный, в проверку распространенной формулы «кто был ничем, тот станет всем». Подобно доктору Моро («Остров доктора Моро» Г. Уэллса), профессор Филипп Филиппович Преображенский и его помощник доктор Борменталь пытаются хирургическим путем, минуя все этапы эволюции, превратить низшее существо в венец творения — в человека («Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу!»¹⁵). Замысел сам по себе грандиозен, однако человек — не Бог" (В.Б. Петров)

"Собачье сердце" - повесть о науке, о ее вмешательстве в природу человека, считает Сахаров. "Повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» рассматриваются Сахаровым как «остроумная сатирическая диалогия о науке», «профессорах старой школы, гениальных учёных, сделавших в новую, не совсем; им понятную эпоху великие открытия, внесшие революционные изменения в великую эволюцию природы» (141, с. 33). По убеждению исследователя, обе булгаковские повести «посвящены именно заблуждениям науки, в том числе и медицинской». Говоря об образе Преображенского в повести «Собачье сердце, Сахаров» отмечает двойственность персонажа, содержащуюся в нём: «разоблачительную сатиру, глубокую и пророческую критику обходящейся? без этики, эгоистической научной философии» (Е.А. Савина)

"И. Машников («Парадоксы «Собачьего сердца») заявляет, что повесть Булгакова - «острейший идеологический спор между автором и главным героем о профессиональной этике и моральном облике, прежде всего, самого «врача», как Человека Разумного» ("104- с. 103). Называя; в качестве прототипов Преображенского И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, автор

статья замечает, что «практически 1 все присутствующие в тексте; факты; с; большей или меньшей долей убедительности могут быть интерпретированы, как прототипические детали, указывающие на Ленина» (104, е.- 107). По утверждению Машникова, «если; допустить, что под «операций» Булгаков; подразумевал революцию, то в образе «бездомного пса» выведен типичный представитель пролетариата в предреволюционный период, а Полиграф; Шариков - тот же самый пролетарий, только после революции». У «швондеров» же с «Преображенскими» существует тайное взаимопонимание против «шариковых» (104, с. 109). И потому Шариков прав, грубя профессору, так как тот «во всём обманул пса»".

По словам Машникова, «главный герой профессор Преображенский показан психически неполноценным человеком; с уровнем мышления ниже собачьего», и поражается - «почему же большинство* читателей не видит в Полиграфе; Шарикове единственного положительного героя? повести,- истинное имя которого Русский народ?»

Вот еще несколько абзацев из обзора Е.А. Савиной:

"М. Золотоносов, называя! «Собачье: сердце»» «первым в ряду булгаковских произведений на «странную» тему», заявляет, что повесть Булгакова, созданная в середине 20-х годов; содержит следующие; «идеи; и моральные истины»: «И буржуа, и дворянин тоже человек, .нужно уважать его человеческое достоинство и относиться к нему человечно» (65, с. 165). Как считает исследователь, в «Собачьем сердце» Булгаков? «опровергает «обожествление» народа; понимание его как: носителя: положительных целей; и» плодотворных программ! поведения» (65, с. 167) и ставит вопрос о жизненной пригодности, биологическом здоровье и; приспособленности:., русского интеллигента» (65, с. 169).

В.Г. Боборыкин называет всё то; что происходило» в повести; с Шариковым, «по мере того, как с помощью Швондера* он становится, так сказать, сознательным участником революционного процесса, злейшей сатирой на сам процесс и на его участников» (15, с. 64). Исследователь замечает: «Открывается читателю, что тот процесс, который нечаянно спровоцировал и которым пытался руководить Филипп Филиппович; без всяких медико-биологических экспериментов давно совершается; в самой действительности» (15; с. 65).

В несколько ином ракурсе рассматривает социальный аспект повести: Л. Зеркалов. Выделяя в «Собачьем сердце» два; сюжета, фантастический и сугубо реалистический, он видит «истинный смысл вещи, как бы спрятанный от самого автора», в следующей мысли: «Социум победить нельзя, даже зная» его вдоль и поперёк», а «соприкосновение учёного с обществом? чревато неизбежным монстром на: обезьяньих кривых ногах» (63; с. 147); В отличие от распространённого мнения о том, что вина Преображенского в происходящих чудовищных событиях не подлежит сомнению, исследователь уверяет: «Дело не в ложном направлении исследований, не в цвете: персиковского «луча»; творец обречён заранее - едва он соприкоснётся с обществом, шариковы его затравят. Так что вины учёного здесь нет никакой» (63, с. 147), напротив, «профессора служат носителями булгаковской истины в конечной инстанции» (63, с. 149).

Л.Б. Менглинова, С. В. Никольский и О. Н. Николенко относят повесть «Собачье сердце» к жанру антиутопии: «Собачье сердце» - «типичная антиутопия; что явствует уже: из. подзаголовка произведения» (120, с. 110). Автор монографии «От утопии к антиутопии. Настоящее и будущее в антиутопиях Михаила Булгакова», объясняя собственную позицию, даёт определение жанру антиутопии, согласно которому в рамках данного жанра происходит «столкновение идеала с антиидеалом, жестокой действительностью» (120, с. 123), имеющее место в повестях: Булгакова. Исследователь подчёркивает разграничение между научной фантастикой; и антиутопией; так как «фантасты в своих произведениях остаются в сфере научных гипотез и не выходят на социальную проблематику», в то время как в антиутопии повествование сопряжено с социальной действительностью, обращено к будущему и проникнуто сатирическим пафосом.

И.В. Великанова отмечает широко применяемые- Булгаковым? «различные приёмы сатирического изображения: фотеск и гиперболу, юмор, иронию, пародию» (28, с. 44), особо выделяя иронию как средство выражения авторской оценки. Автор статьи «Особенности г

сатиры Михаила: Булгакова. Повесть, «Собачье сердце»» считает «определяющим в повести сатирический пафос» (28, с. 42), так как в «Собачьем сердце» «писатель, средствами сатиры обличает самодовольство, невежество[^] и слепой; догматизм: иных представителей власти,, возможность безбедного существования для «трудовых» элементов сомнительного происхождения; их нахрапистость и ощущение полной вседозволенности» (28; с. 42).

Э.М. Хабибьянова утверждает, что «суть проблемы, поднятой автором повести - влияние национальной истории на обычного русского человека».

В статье «Новый Завет в произведениях М.А. Булгакова» Б.М. Гаспаров впервые обращает внимание на то, что «квартира Филиппа Филипповича является шоделью небесного царства», так как «стоит посреди окружающего её хаоса, сохраняя? строгий порядок и иерархию ада и рая, успешно отражая периодические нашествия и посягательства inferнальных сил - Швондера и; его помощников» (37, с. 96). Исследователь, отмечает иронически разыгранную в повести сцену Преображения: «Шариков предстаёт перед профессором в безобразной одежде, с пёстрым-галстуком, называет его «папашей»». Гаспаров видит в этих деталях негативное воплощение белых одежд, в которых Иисус предстаёт в сцене Преображения,' и голоса, назвавшего его возлюбленным Сыном.

Т.М. Любомищенко представляется возможным выделение в булгаковской истории перерождения пса в человека «культурно-стилистического пласта, связанного с фольклористическим взглядом на мифологию язычества, с архаическими: мифами о творении»- (98; с. 161), осмысленными Булгаковым в ироническом; пародийном ключе. Упомянув! в связи: с тем о героях архаических мифов — тотемных предках, полуживотных - полулюдях, автор статьи ««Собачье сердце» М. Булгакова и миф о творении» говорит о том, что «первопредком» человека новой советской формации у Булгакова становится? уличный пёс-бродяга, «что само по себе свидетельствует о снижении, травестировании образа; нового» человека».

С. Кульюс пишет о том, что в «Собачьем сердце» Булгаков «наметил и в той или иной степени развил целый: ряд аспектов темы, «гомункула», недостаточно ещё осмысленной в булгаковедении: тему насилия над природой и «вины» «создателя» искусственного человека, проблему сходства творца и его «творения». проблему возможности «творения»⁵ вырваться изпод контроля творца, а также мотив самосознания« вновь изготовленного гомункулуса».

Яблоков сопоставляет образы учёных в повестях «Роковые яйца», «Собачье сердце», пьесах «Адам и Ева», «Блаженство» и отмечает наличие «сверхъестественных возможностей» (180, с. 237) в каждом из них. Обращаясь к символике природных объектов, исследователь рассматривает мифопоэтический; подтекст образов 5 животных, фигурирующих в булгаковских произведениях, и, прежде всего, образ волка, занимающий; «едва ли< не самое важное место в творчестве и мироощущении; Булгакова» (180, с. 341). В частности, Е. Яблоков утверждает, что профессор из повести «Собачье сердце» «совершает не столько «преображение» собаки, сколько воскрешение «человековолка»» (180, с. 346), определяя Шарикова не как «гибрид» собаки и человека, а как существо, находящееся. «между собакой и волком» (180,1 с. 347). Такая ситуация «актуализирует мотив оборотничества» (180, с. 348), присутствующий не только в «Собачьем сердце», но и «Белой гвардии».

Другой пример социологизаторского подхода - статья А.Ю. Фомина о смысле названия повести.

В начале статьи автор констатирует "социальное" звучание знаменитой экранизации С.с. "Повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» давно стала своеобразной визитной карточкой «перестроечной» литературы. Стараниями многих именитых булгаковедов (напр., М.О. Чудаковой, Б.В. Соколова) это произведение обрело устойчивую репутацию злой пародии на Советскую власть, на советский образ жизни и на саму личность советского человека: попытка превратить животное в полноценного «члена социального общества», как говорит профессор Преображенский, оканчивается оглушительным крахом. В известной экранизации данный вывод усиливается и многозначительными намеками на «службу в очистке», и своеобразным гардеробом актеров (кожаные куртки и пальто), и стилизованными кадрами

отлова невинных кошек, а также единодушного одобрения «широкими массами трудящихся» своеобразного выступления т. Шарикова".

Впрочем, автор критически относится к социальной трактовке повести, предлагая задуматься об ее общечеловеческом смысле. Не зря он цитирует "Фауста":

...Лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться! –

(Мефистофель в «Фаусте» [4, с. 48]). "Эту точку зрения на протяжении веков разделяли очень и очень многие. И не без основания: слишком убедительны (и страшны) были порой ежедневные примеры. Разумеется, подобные несовершенства предполагали желательность их исправления".

И, казалось бы, после тожества революции наука может развернуться во всю свою мощь. Однако этого, по мнению Фомина, не происходит. "Как известно, повесть названа «Собачье сердце». Но – кому принадлежит это сердце? Парадокс как раз в том, что кадавр, созданный профессором Преображенским, – существо без сердца. И в прямом, и в переносном смысле. В надежде создать нового, совершенного человека («Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу!..» [2, с. 391]) Филипп Филиппович и его верный ассистент пересадили собаке гипофиз Клима Чугункина – и произошло полное очеловечивание: «...Две судимости, алкоголизм, “все поделить”, шапка и два червонца пропали... хам и свинья», – подводит итог профессор [2, с. 422]. Результат, прямо скажем, оказался неожиданным: вместо «сколько-нибудь приемлемого члена социального общества» – свинья. Почему же блестяще проведенный эксперимент кончился неудачей? Неужели опять во всем виновата Советская власть.. "

"Собачье сердце – это сердце любого нормального живого существа: оно хочет тепла и уюта, оно хочет любить и быть любимым, оно страдает от голода и холода, мучается от одиночества, переживает; оно заставляет рефлексировать, оно способно толкнуть и на самые прозаические, и на самые возвышенные поступки. В ощущениях Шарика (начало и конец повести) больше человеческого, нежели в монологах Шарикова (точнее, они вполне человечески, в отличие от монологов Полиграфа Полиграфыча)".

По мнению А.Ю. Фомина, собачьим сердцем наделен и Иван Арнольдович Борменталь, "безкорыстно преданный своему учителю и готовый пойти на преступление, чтобы спасти его от чудовища, поселившегося в мирной профессорской квартире". Одним словом, собачье сердце – это сердце человеческое. "При этом любопытно отметить наличие аналогичной метафоры (с совершенно аналогичным гуманистическим значением) у современника М.А. Булгакова – С.А. Есенина:

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое" (выделено А.Ф.)

Разумеется, отмечает Фомин, повести присущ и откровенный социальный комизм, принимающий формы фантастики: фантастично, например, что профессор Преображенский в период жесточайшего жилищного кризиса живет и работает в квартире, состоящей из семи комнат; "невероятно, как в один миг решается вопрос с «жилтоварищами»; совершенно поразителен вполне буржуазный образ жизни знаменитого профессора в государстве победившего пролетариата. И здесь М.А. Булгаков, возможно, обращается к тем «фантастическим» чертам советского быта 1920–начала 30-х гг., которые впоследствии так поразят умного и много испытавшего на собственном опыте повествователя «Театрального романа», окунувшегося в писательскую и актерскую среду тех лет: и шикарные застолья, и поездки в Париж, и творческая лаборатория некоторых писателей, и театральные интриги, и квартира Ивана Васильевича, и монолог последнего, обращенный к человеку, знавшему, что

такое настоящий голод: «Ермолай Иванович (буфетчик – А.Ф.), впрочем... гм... гм... маг. В самое отчаянное время он весь театр поголовно осетриной спас от голоду!"".

Социалистическое государство и общество становятся, таким образом (делает вывод автор) объектами сатиры не сами по себе, а только в связи со временными уродствами быта, свойственными 20-м годам (их началу). Поэтому антисоциалистический пафос "разоблачителей" конца 80-х - начала двухтысячных в связи с С.с. не вполне уместен.

И, напротив, о старом сюжете создания нового человека средствами науки рассказывает безвестный автор сочинения "Элементы фантастики в произведении СМ. Шелли «Франкенштейн» и повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»".

"Виктор Франкенштейн, молодой швейцарский ученый, убежден в могуществе человеческого разума. Одаренный ненасытной любознательностью, он с детства зачитывается сочинениями средневековых «чернокнижников» -- Корнелия Агриппы, Парацельса, Альберта Великого, которые сулят ему магическую власть над природой. Потом, убедившись в несостоятельности алхимии, он обращается к современному естествознанию. Химия, анатомия, физиология, физика увлекают его воображение. Мэри Шелли заставляет своего героя с энтузиазмом повторять «панегирик современной химии», произнесенный его профессором,-- тема совершенно новая для тогдашнего романа. Франкенштейн -- не из породы гетевских Вагнеров, для которых наука сводится к терпеливому выкапыванию червей. Его опьяняет мысль о «чудесах», совершаемых учеными, которые «проникают в тайны природы».. его ближайшей целью становится искусственное создание "живого организма, во всем подобного человеку. Франкенштейн достигает своей цели. Подобно Прометею..

Фантастический роман Мэри Шелли также заключает в себе попытку переоценки односторонне-оптимистического представления просветителей о всеилии разума. Эта переоценка естественно облекалась в романтическую форму. Катастрофические последствия научного эксперимента Франкенштейна выглядели в изображении молодой писательницы как роковое веление судьбы. Характерно, однако, что, как бы ни раскаивался Франкенштейн в том, что создал, на горе людям, своего человекоподобного «демона», Мэри Шелли не заставляет «современного Прометея» склониться перед «божественным промыслом». Материалист, воспитанный с детства в презрении ко всяческим суевериям, Франкенштейн является сам себе и судьей и мстителем. Религиозным мотивам, которые преобладали в эту пору в поэзии реакционных романтиков, нет места в книге Мэри Шелли.

.. особенности в трактовке зловещего образа чудовища, созданного Франкенштейном. Отверженный, несправедливо гонимый людьми, которым этот гигант хотел делать только добро, он становится жертвой собственного рокового одиночества. Слушая страстную, негодующую исповедь чудовища. Франкенштейн задумывается. «Я впервые осознал, -- вспоминает он.-- долг создателя перед своим творением и понял, что должен был обеспечить его счастье, прежде чем обвинять в злодействах».

Однако в образе Шарикова нет трагических черт. Шариков просто не осознает своей трагедии, не может подняться до уровня ее осознания. Это тот же Клим Чугункин, который заливает себе горло крепким пенным пивом и является рабом чувственных удовольствий.

На "Франкенштейна" похожа лишь фабула С.с., замысел повести возникает отчасти благодаря ему. Но развивается сюжет уже совсем в другом ключе.

Ряд исследователей акцентирует свое внимание на сатирическом методе писателя в С.С. Так Э.М. Хабибьярова в статье "Саркастическая ирония в повести М.Булгакова "Собачье сердце" пишет: "Шариков, с минимальным запасом интеллекта и полным отсутствием моральных устоев, не только легко приспосабливается к любым условиям, но и проявляет агрессивность. В результате вместо доброго уличного пса возникает злой, тупой и агрессивный Полиграф Полиграфович, который великолепно вписывается в социалистическую действительность и даже делает карьеру, знаменуя собой определенные явления общественной жизни, определенный тип человека: бездуховного, безсердечного, наглого, трусливого, лживого, ленивого и малограмотного. Решив

прибегнуть к беспрецедентной метаморфозе, М. Булгаков пытается определить в повести границы той катастрофы, когда социальное равенство «вручается» личности с низкими нравственными качествами".

Удивительно, но и здесь речь идет о социалистической действительности и о том как в нее удачно вписался Шариков. Социализм исследовательница считает причиной тому, что люди занимаются "не своим" делом, а в умах их происходит сумятица. Таким образом, повесть Булгакова возводится до уровня сатиры на политический строй.

Для Хабибьяровой характерно такое признание: "Новый строй стремится из старого "человеческого материала" сотворить нового человека. Филипп Филиппович, словно соревнуясь с ним, идет еще дальше: он намерен сделать человека, да еще и высокой культуры и нравственности, из собаки» [6]. Очень важны те итоги, к которым приходит профессор Преображенский. Он признает не только ошибочность своих опытов, но и их опасность. Трагедия профессора в том, что Шариков легко и просто оказывается своим в человеческом мире.

Симпатизируя Преображенскому, автор вместе с тем при создании образа профессора использует саркастическую иронию, на которую возлагает корректирующую функцию, показывая исходную ошибочность эксперимента".

Таким образом, исподволь протаскивается тезис о том, что социалистическая революция была чудовищным экспериментом и "ошибкой".

Исследовательница вспоминает слова В. Ленина, сказанные им в марте 1919 г.: «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хороших, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика... <...> ...мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой» [8]. Она утверждает, что, по всей видимости, М. Булгаков с большим скептицизмом смотрел на

попытки искусственного и ускоренного воспитания «нового человека». "Эксперимент Преображенского помогает обнажить абсурдность общества, в котором в результате исторического эксперимента все ненормальное становится нормальным. Реальная жизнь, изображенная в «Собачем сердце», оказывается «фантазмагоричнее любой самой невероятной фантастики, а фантастика воспринимается как правдоподобное допущение» [9]. Фантастическое является как бы второй стороной реальной жизни личности и общества, помогает заглянуть в тайники человеческой души и государственной системы.

Автор повести видел опасность и в том, что множество бед принесут Швондеры, полностью овладевшие Шариковыми". "Исторический эксперимент" - это то, что сделала партия большевиков в 17 - 20-х годах. Большевики, по логике исследовательницы - Швондеры. А новый человек, пестуемый ими - не кто иной как модифицированный Клим Чугункин.

Е.А. Яблоков дает обзор ряда представлений о С.С.: "Вот ряд постоянно циркулирующих в учебно-методической литературе (а также в СМИ и даже в филологических работах) тезисов, свидетельствующих о плохом знании текста «Собачьего сердца» (либо стремлении подтасовать факты) и неумении анализировать произведение (либо желании заведомо исказить его смысл):

1. Готовясь к операции над Шариком, профессор Преображенский видит смысл эксперимента в том, чтобы превратить собаку в человека – на такую мысль наталкивает и фамилия ученого.
2. Эксперимент Преображенского противоестествен, направлен против природы и потому достоин осуждения.
3. Возникшее в ходе эксперимента существо по фамилии Шариков – недочеловек с собачьим нравом; это подтверждается самим заглавием повести.

4. Негативное отношение Преображенского к Шарикову – следствие нелюбви профессора к пролетариату. Между тем сам Преображенский – конформист, готовый ради бытовых удобств угождать власти, которую ненавидит. Своей любовью к комфорту профессор подает Шарикову дурной пример.

5. Основная вина за произошедшее возлагается именно на Преображенского – повесть заострена против сугубой «любопытности» ученых и против интеллигенции в целом."

Яблоков на основе текста С.с. приводит разумные доводы против этих представлений. Во-первых, никакой цели превратить собаку в высшее существо у Преображенского нет, результат операции для него самого неожидан. Профессор всего лишь хотел выяснить вопрос о приживаемости гипофиза, однако не учел всех последствий эксперимента.

По мнению Яблокова, Клим Чугункин - уголовник существовал еще при царском режиме, но именно большевики создали для него "питательную среду", вознесли его вверх по социальной лестнице.

" .. будучи маргиналом, не оказывал определяющего влияния на жизнь общества, после большевистского переворота «воскрес» в виде полноправного существа, на которого идеологи «нового мира» сделали ставку и выдвинули в лидеры. Булгаковская повесть написана о наступающей эпохе беспрепятственного разгула волков". Такой антисоциалистический пафос отдельных фраз статьи Яблокова позволяет усомниться в компетенции исследователя.

Впрочем, Яблоков подчеркивает то, что Шарикова нельзя назвать пролетарием как таковым.

"Если пролетарии-трудяги составляют основу цивилизации, воплощают цивилизаторские, «человеческие» тенденции, то люмпены, живущие по волчьим законам, существуют «по касательной» к обществу, пребывают вне нравственности, несут антигуманное начало.

М. Горький в свое время возвел босяка в ранг сверхчеловека – Булгаков в повести полемизирует с ним, делая Чугункина-Шарикова не романтическим героем-нищсеанцем, а грубым мещанином-эгоцентриком в духе книги М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1845). Шариков а-морален, пребывает вне этических координат: у него нет нравственной позиции для оценки собственных поступков – проще говоря, нет совести"

"Повесть «Собачье сердце» имеет подзаголовок «Чудовищная история». Здесь Булгаков углубил и заострил коллизию «Роковых яиц», связанную с безответственным экспериментом на живой природе. Коллизия «Собачьего сердца» откровенно пародировала центральную идею 20-х годов – идею рождения «нового человека», адресованную советской литературе в качестве «социального заказа». Не удивительно, что Булгаков усилил философский подтекст «чудовищной истории», введя в нее переключку не только с фантастической прозой Г. Уэллса, но и с «Фаустом» Гете.

Об этом свидетельствовала, например, запись в дневнике доктора Борменталья: «Новая область открывается в науке: безо всякой реторты Фауста создан гомункул! Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу! Профессор Преображенский, вы – творец!!» (2, 164)" (О.Бердяева, 11).

В "Фаусте" так создается Гомункул, который обращается к своему автору, - "Папенька" - так же почти как Шариков к Преображенскому - "Папаша". К созданию Гомункула причастен не только ученик Фауста Вагнер. но и сам Мефистофель. Бесовское начало в идее создания гомункула позже было перенесено в роман "Мастер и Маргарита", в котором бездетному мастеру эту идейку подбрасывает Воланд.

В повести "Роковые яйца" по-роковому заканчивается для профессора Персикова его открытие живого луча - в институт, где он работает, врывается агрессивная толпа, и один из ее представителей - неказистый мужичок - убивает Персикова. Кстати, убийца профессора чем-то напоминает Шарикова, который тоже вынашивает идеи расправиться со своим создателем (или хотя бы с Борменталем) - при помощи револьвера.

Шарик - тварь Божия, в то время как Шариков - Чугункин - плод авантюрного эксперимента Преображенского и его помощника. «Чувствую, знаю, в правом кармане шубы у него колбаса. Он надо мной. О, властитель! Глянь на меня. Рабская наша душа, подлая доля!» -

мыслит Шарик, ясно отдающий себе отчет о собственном месте в мироздании. Шариков же не понимает, каково его законное место. В голове его переплелись мысли о собственной значимости в семье профессора, догмы Швондера и запретительные слова Преображенского. По словам О.Бердяевой, пес Шарик выступает не только как нормально мыслящее, но и как религиозно чувствующее существо. В трудную для себя минуту он думает: «Видно, помирать-то еще рано, а отчаяние и подлинно грех» (2, 123). "И как у верующего человека отчаяние преодолевается верой, пес полностью доверяется своему хозяину, этому «чудесному видению в шубе» (2, 123)".

Н.В. Голубков рассматривает связь «С.с.» с творчеством Уэллса. "Писатель Чапыгин, сообщая Горькому о литературных новинках в июле 1926 года, счел нужным охарактеризовать «Роковые яйца»: «Так, немножко с Уэллсом, но все же хорошо и умно» [6]. Очевидна и связь «Собачьего сердца» с «Островом доктора Моро»" (Н.В. Голубков).

Научная фантастика более ярко проявлена в "Рокковых яйцах". Профессор Персиков изобретает небывалый, невиданный доселе луч, под влиянием которого вместо "цыпляток" из яиц вылупляются огромные гады - змеи, крокодилы и прочие. Парад чудовищ по российским просторам показан с булгаковским размахом. В "Собачьем сердце" масштабы фантастики более скромны: вместо гадов у профессора "зарождаются" ("вылупляется") гражданин Советской страны - Полиграф Полиграфович Шариков. В каком-то смысле он тоже чудовищен.

Ю.В. Новикова пишет, что в ряде современных исследований рассматриваются различные составляющие карнавальная стихии в "Собачьем сердце". "Е. Г. Серебрякова отмечает в «Собачьем сердце», что из «всех карнавальных форм Булгаков выбирает в первую очередь театральные, а обращаясь к сценарной технике, заимствует приемы, образы и мотивы у площадного театра – балагана, райка, фарса, цирка» [6, с. 10], Е. Р. Меньшикова видит родство формы булгаковской повести с раешным театром [4, с. 8]. О карнавальная традиции в повести говорит Р. Я. Клейман в своей работе «Мениппейные традиции и реминисценции Достоевского в повести М. Булгакова "Собачье сердце"», называя рассматриваемое произведение «законченным, цельным образцом карнавализованной литературы» [3, с. 222]".

Не обходится и без цитаты из основоположника концепции карнавала Бахтина. По мнению исследовательницы, революцию и карнавал объединяет единый архетип, т. е. внутреннее единство, в основе которого лежит общность значений, символика, мироощущение и сценарий развития.

Также Новикова пишет: "Повесть «Собачье сердце» М.А. Булгакова.. в 1925 году, - это яркий сатирико-фантастический памфлет на исторические события нашей страны 20-х годов прошлого столетия. Хронологическая отдалённость произведения позволяет нам отнести повесть к разряду сложных для восприятия текстов, поскольку содержит большое количество советских культурно-исторических реалий, которые неизвестны современному читателю ПЯ, но сохранение лексико-семантической формы и прагматического содержания которых необходимо для понимания авторских интенций".

Действительно, по признаку памфлетности повесть напоминает нам рассказы из советского быта, изложенные в сборнике Михаила Зощенко "Голубая книга". Сборник этот так же далек от героизации победившего в ходе Октября рабочего класса и показывает его порой с неприглядных сторон (но как бы изнутри, без глумления). Также содержание повести напоминает нам атмосферу романов Ильфа и Петрова об Остапе Бендере. Остап Бендер - герой-авантюрист, наследник гоголевского "реvisора", который мог появиться только в уникальной советской действительности того времени и разоблачить ее "темные" стороны изнутри.

Таким образом, "Собачье сердце" занимает достойное и вполне объяснимое место в ряду сатирических произведений советских авторов той эпохи.

Сатирическое изображение современной писателю действительности можно обнаружить даже в описании эффекта от применения некачественного красителя:

– А почему вы позеленели?

Лицо пришельца затуманилось.

– Проклятая Жиркость!. Вы не можете себе представить, профессор, что эти бездельники подсунули мне вместо краски. Вы только поглядите, бормотал субъект, ища глазами зеркало. – Им морду нужно бить! – свирепея, добавил он. – Что же мне теперь делать, профессор? – спросил он плаксиво.

– Хм, обрейтесь наголо.

В романе Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев" И.М. Воробьянинов. помнится, тоже "отведал" зеленого цвета красящую жидкость под названием "Титаник".

Объектом булгаковской сатиры (как и сатиры М. Зощенко) также является квартирный вопрос. В одной из сцен к Преображенскому, например, является Швондер и компания с требованием потесниться.

– Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Четверо онемели.

– Восьмую! Э-хе-хе, – проговорил блондин, лишённый головного убора, однако, это здорово.

"Люди как люди. Только квартирный вопрос испортил их", - сказал бы по этому поводу Воланд.

– Я слушаю. Да... Председатель домкома... Мы же действовали по правилам... Так у профессора и так совершенно исключительное положение...

Мы знаем об его работах... Целых пять комнат хотели оставить ему... Ну, хорошо... Раз так... Хорошо...

Для Преображенского иметь семь комнат - естественно. Для Швондера же, а позже - и для Шарикова это обстоятельство представляет собой большой вопрос. Возникает тема сосуществования в коммунальной квартире, известная по рассказу "Нервные люди" Зощенко и "Золотому теленку" (порка Васисусалия Лоханкина).

Кроме того. объектом сатиры становится современная писателю полиграфия - от "Правды" до переписки энгельса с каутским.

– Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, а представьте себе – большинство людей вовсе есть не умеют. Нужно не только знать что съесть, но и когда и как. (Филипп Филиппович многозначительно потряс ложкой). И что при этом говорить. Да-с. Если вы заботитесь о своём пищеварении, мой добрый совет – не говорите за обедом о большевизме и о медицине. И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет.

– Гм... Да ведь других нет.

– Вот никаких и не читайте. Вы знаете, я произвёл 30 наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать «Правду», – теряли в весе.

– Гм... – с интересом отозвался тятнутый, розовея от супа и вина.

– Мало этого. Пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит, угнетённое состояние духа.

Здесь имеет место преувеличение, но под ним есть тонкое наблюдение - нервы пациентов от "Правды" расстраиваются. Такую сатиру относительно главного печатного органа партии

большевиков, конечно же, никак невозможно было пропустить. Наверняка этот эпизод был одной из причин, по которым С.с. категорически была заказана дорога в печать. Отдельная сатира посвящена идеалам большевиков в области интернациональной помощи нуждающимся представителям рабочего класса.

Двум Богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удаётся, доктор, и тем более – людям, которые, вообще отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор ещё не совсем уверенно застёгивают свои собственные штаны!

"Испанские оборванцы" - это те же дети Германии, на которых по полтиннику собирает заведующая, пришедшая вместо со Швондером к Преображенскому.

"Ведущим художественным средством в повести «Собачье сердце» является сатира, - пишет Н.В. Ватау, - Для полного ее выражения писатель избирает несколько объектов.

Писатель иронизирует над Советской властью и критикует ее. В произведении новая власть предстает перед нами в лице председателя домкома Швондера и его подопечных: заведующая культотделом дома – Вяземская, сослуживцы Швондера – Пеструхин и Жаровкин. Автор изображает их сатирически.

Как здесь не вспомнить роман "Мастер и Маргарита" и общий знаменатель, который подводит под советскими людьми Воланд - "Люди как люди. Только квартирный вопрос испортил их".

Важно отметить, что Булгаков не демонизирует Советскую власть. В том же "Мастере и Маргарите" органы власти честно пытаются бороться с выходцами из преисподней (а психиатрической больнице честно пытаются Ивана Бездомного лечить). Другое дело, что попытки противостоять потусторонним силам в "Мастере и Маргарите", как правило, проваливаются.

Главное, в чем преуспевает Булгаков - это в своем специфическом, юмористическом воспроизведении сферы быта и взаимоотношений в молодой Советской стране.

Шариков - детище Преображенского - получается каким-то плюгавым существом: «... человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жесткие, как бы кустами на выкорчеванном поле, а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка». Он напоминает неандертальца. И это существо начинает испытывать почти что "классовую неприязнь" к Преображенскому. "Где ж я харчеваться буду?" - спрашивает он, и одновременно заявляет, что ему полагаются 14 аршин для проживания.

Шариков остро понимает идею социального неравенства - когда один в 15 комнатах расселся, а другой по помойкам шарится, себе пропитание ищет. Благородный гнев так и вскипает в Шарикове - Чугункине - и готов вести его "в пламенный поход".

Ватау делает далеко идущие выводы из сюжета повести. По его мнению, научный эксперимент Преображенского - это "картина пролетарской революции". Так же как революция, Преображенский якобы пытается стать выше естественных законов природы.

3. ИСТОРИЯ ЧТЕНИЙ ПОВЕСТИ

7 марта 1925 г. автор читал первую часть С. с. на литературном собрании "Никитинских субботников", а 21 марта там же - вторую часть повести. "Один из слушателей, М. Я. Шнейдер, следующим образом передал перед собравшимися свое впечатление от С. с.: "Это первое литературное произведение, которое осмеливается быть самим собой. Пришло время

реализации отношения к происшедшему" (т. е. к Октябрьской революции 1917 г.). На этих же чтениях присутствовал внимательный агент ОГПУ, который в донесениях от 9 и 24 марта оценил повесть совсем иначе: "Был на очередном литературном "субботнике" у Е. Ф. Никитиной (Газетный, 3, кв. 7, т. 2-14-16). Читал Булгаков свою новую повесть. Сюжет: профессор вынимает мозги и семенные железы у только что умершего и вкладывает их в собаку, в результате чего получается "очеловечение" последней. При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах".

Вывод: "Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения. Кроме того, книга пестрит порнографией, облеченной в деловой, якобы научный вид. Таким образом, эта книжка угодит и злорадному обывателю, и легкомысленной дамочке, и сладко пощекочет нервы просто развратному старичку. Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это - Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга (1 ее часть) уже прочитана аудитории в 48 человек, из которых 90 процентов - писатели сами. Поэтому ее роль, ее главное дело уже сделано, даже в том случае, если она и не будет пропущена Главлитом: она уже заразила писательские умы слушателей и обострит их перья".

Вот как охарактеризовал соглядатай ОГПУ вторую читку повести: "Вторая и последняя часть повести Булгакова "Собачье сердце" (о первой части я сообщил Вам двумя неделями ранее), дочитанная им на "Никитинском субботнике", вызвала сильное негодование двух бывших там писателей-коммунистов и всеобщий восторг всех остальных. Содержание этой финальной части сводится приблизительно к следующему: очеловеченная собака стала наглеть с каждым днем, все более и более. Стала развратной: делала гнусные предложения горничной профессора. Но центр авторского глумления и обвинения зиждется на другом: на ношении собакой кожаной куртки, на требовании жилой площади, на проявлении коммунистического образа мышления. Все это вывело профессора из себя, и он разом покончил с созданным им самим несчастьем, а именно: превратил очеловеченную собаку в прежнего, обыкновенного пса".

Некоторые эксперты повесть хвалили. Например, 8 апреля 1925 г. писатель Викентий Вересаев (Смидович) (1867-1945) писал поэту Максимилиану Волошину (Кириенко-Волошину) (1877-1932): "Очень мне приятно было прочесть Ваш отзыв о М. Булгакове... юмористические его вещи - перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь "Собачье сердце", и он совсем падает духом".

20 апреля 1925 г. Ангарский в письме Вересаеву сетует на то же самое - произведения Булгакова проводить "сквозь цензуру очень трудно. Я не уверен, что его новый рассказ "Собачье сердце" пройдет. Вообще с литературой плохо. Цензура не усваивает линию партии".

21 мая 1925 г. сотрудник "Недр" Б. Леонтьев посылает Булгакову такое письмо: "Дорогой Михаил Афанасьевич, посылаю Вам "Записки на манжетах" и "Собачье сердце". Делайте с ними, что хотите. Сарычев в Главлите заявил, что "Собачье сердце" чистить уже не стоит. "Вещь в целом недопустима" или что-то в этом роде".

7 мая 1926 г. в рамках кампании по борьбе со "сменовеховством" в квартире Булгакова был произведен обыск и конфискована рукопись дневника писателя и два экземпляра машинописи С. с. Лишь три с лишним года спустя конфискованное при содействии Максима Горького было возвращено автору.

"Известный литературовед Разумник Васильевич Иванов-Разумник (Иванов) (1878-1946) в книге мемуарных очерков "Писательские судьбы" (1951) отмечал: "Спохватившись слишком поздно, цензура решила впредь не пропускать ни единой печатной строчки этого "неуместного сатирика" (так выразился о М. Булгакове некий тип, на цензурной заставе команду имеющий). С тех пор рассказы и повести его запрещались (читал я в рукописи очень остроумную его повесть "Шарик")..." Здесь под "Шариком" явно имеется в виду С. с."

Текстологической подоплеке С.с. было посвящено исследование Е.А. Тюриной. Она заметила, что существовало три машинописных редакции повести. Так, во второй редакции, например, сатирическое изображение современной Булгакову действительности было смягчено.

"Чаще всего писатель исправлял (бывало, что по несколько раз) какие-то отдельные моменты в тексте, как это видно по различным карандашам и ручкам. Не удовлетворяющие его куски текста он переделывал, спустя какое-то время опять возвращался к ним, доводил до совершенства. Вместе с тем имеется немало страниц без каких бы то ни было изменений, не считая небольшой пунктуационной правки, которую писатель часто вносил под копирунку. Авторскую правку М.А. Булгакова можно разделить на техническую и творческую. К технической правке относятся исправления ошибок, недостающих знаков препинания и опечаток машинисток. Творческую правку М.А. Булгакова можно разделить на следующие виды: фактическая, смысловая, стилистическая и цензурная. В последнем случае, начиная с 1926 года, писатель все свои романы писал, в основном рассчитывая на опубликование, но при этом не переставал надеяться, что их все-таки напечатают. В этих случаях нельзя упускать из виду внутреннюю установку писателя, в которой есть момент автоцензуры" (Е.А. Тюрина).

"Третья машинопись, которая является вариантом первой машинописи «Собачьего сердца», выбрана нами за основной источник текста не только потому, что именно в ней зафиксирован последний по времени этап творческой работы автора над текстом произведения. В третьей машинописи самим автором устранены цензурные и автоцензурные искажения. Первая машинопись носит больше всего искажений текста, вызванных вмешательством в рукопись третьих лиц: машинистки, редактора, неустановленных лиц. Вторая машинопись содержит вынужденную авторскую правку, но не идущую вопреки внутренним убеждениям писателя и сделанную для того, чтобы повесть была опубликована.

Как многие писатели, М.А. Булгаков болезненно относился к замечаниям редактора и изменял текст лишь в крайних случаях и всегда требовал на вычитку корректуру, гранки. Несмотря на многочисленные подсказки Н.С. Ангарского-Клестова, М.А. Булгаков большинство их проигнорировал".

"Интересно, как ведет себя М.А. Булгаков, будучи уже известным писателем, работающим над «Мастером и Маргаритой», когда возвращается к тексту «Собачьего сердца» спустя десять лет. 12 июля 1937 года Е.С. Булгакова записала в дневник: «вечером у Вильямсов М.А. прочитал половину повести своей «Собачье сердце» Острая, яркая сатира М.А. говорит, что она грубая».

И, несмотря на это позднее заявление о «грубой сатире», М.А. Булгаков, создавая в середине 1930-х годов на основе первой машинописи третий вариант текста повести «Собачье сердце», не вносит никаких существенных изменений, меняющих художественные принципы повествования. Более того, он не делает, хотя и мог, никаких больших стилистических исправлений, а вносит лишь небольшие поправки, устраняет неточности, которые не были замечены им при первых прочтениях" (Е.А. Тюрина).

Почему же сатира "грубая"? В первую очередь благодаря объекту изображения - суровой действительности 20-х годов в Москве с ее набившими оскомину персонажами - чугункиными, швондерами и другими. Изобразить их иначе, чем неизящным - сатирическим - пером, кажется, невозможно.

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ

ШАРИК

Один из главных персонажей повести — пес Шарик — появляется сразу в ее начале и затем в самом финале.

В.А.Игнатенко замечает, что в начале повести мы попадаем на зимнюю холодную московскую улицу (она противопоставлена уюту квартиры Преображенского). Здесь обитает до поры пес Шарик. В городе властвует вьюга, и Шарик завывает вместе с ней, испытывая страдания от ожога, полученного сегодня. "Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с нею".

Игнатенко прослеживает весь день Шарика с утра: сначала он ищет себе пропитание, в подлень "колпак" "угощает" его кипятком, затем наступает вечерняя мгла и угасание. И только появление профессора спасает Шарика. "По всей Пречистенке сияют фонари" - Свет вовсе не уступает место тьме.

Шарик попадает в квартиру профессора, она вся как будто наполнена Светом. "Все в ней прекрасно": волнистая стеклом забранная дверь как символ доходной надежной жизни (так считает исследователь), и "неожиданный и радостный свет", символизирующий уют и "божественное тепло" как предвестник счастья и душевной гармонии. Квартира представляет собой резкий контраст с картинами подворотни. в которой недавно был Шарик.

Пес дремлет и видит приятный сон: будто бы он выдирает у совы пук перьев.

Далее перед Шариком разворачивается картина, которую пес оценивает положительно как "райскую"

На разрисованных райскими цветами тарелках с чёрной широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная сёмга, маринованные угри. На тяжёлой доске кусок сыра со слезой, и в серебряной кадлушке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. Все эти предметы помещались на маленьком мраморном столике, уютно присоединившемся к громадному резного дуба буфету, изрыгающему пучки стеклянного и серебряного света. Посреди комнаты – тяжёлый стол, накрытый белой скатертью, а на ней два прибора, салфетки, свёрнутые в виде папских тиар, и три тёмных бутылки.

Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчал. Запах от блюда шёл такой, что рот пса немедленно наполнился жидкой слюной. «Сады Семирамиды!» – подумал он и застучал по паркету хвостом, как палкой.

Висячие сады Семирамиды — одно из Семи чудес света. Более корректное имя для этого сооружения — Висячие сады Амитис (по другим источникам-Семирамида; по третьим источникам — Аманис): именно так звали жену вавилонского царя Навуходоносора II, ради которой сады были созданы. Предположительно располагались в древнем государстве Вавилоне, возле современного города Хилла, в Ираке.

Неудивительно, что Шарик относится к профессору как к древнему божеству. Обилие света (затем - в операционной) и тепла создает атмосферу, похожую на "верхний мир" в традиционных представлениях русских.

И ещё раз облепили. Тут неожиданно посреди смотровой представилось озеро, а на нём в лодках очень весёлые небывалые розовые псы. Ноги лишились костей и согнулись.

Эта картина напоминает блоковские строки: "Над озером скрипят уключины и раздаётся женский визг", только вместо людей в "верхнем мире" Шарика, как и положено, - собаки (веселые, добрые, дружелюбные, совсем не похожие на тех, что его облаивали на улице). Древность квартиры, основательность ее устоявшихся традиций, правил подчеркивают "персидские ковры". Их, кстати, в первую очередь и подминают под себя - топчут - представители власти новой - Швондер и компания.

"Как известно, повесть начинается с монолога пса Шарика, настраивая тем самым читателя на восприятие его как человека со всем комплексом присущих ему интеллектуальных и душевных качеств. Очеловечение пса осуществляется путем приписывания ему человеческих эмоций и чувств (плач, страх), знаний и понятий материального (столовая,

квартира, черная лестница, асфальт и т.д.) и идеального мира (судьба, собачий дух, собачье долготерпение, собачья моя доля, Бог, рай, счастье, воля), умения читать, образности выражения мысли. Таким образом, пес Шарик подобно животным из басенного мира очеловечивается. И «этот мир, – считает В.З. Санников, – занимает промежуточное положение между миром человека и миром животных», что «сказывается и на языке: многие грамматические и лексические единицы, принятые лишь при описании мира человека, становятся в баснях и сказках допустимыми при описании животных» [4, с. 337]. Приведем несколько примеров обыгрывания противопоставления мира животных миру человека.

Оригинал:

Да на край света, пинайте меня вашими фетровыми ботинками в рыло..

Оригинал:

О людях: Бегут, жрут, лакают [5, с.7].

Перевод 1: It's just grab, gobble and gulp [6, p.7]

Перевод 2: They just come running, lap it up, gobble it down [7, p.3]

Перевод 3: Il y courent, ils en bouffent, ils s'en mettent jusque-la [8, p.9]

Оригинал:

О машинисточке: Ноги холодные, в живот дует, потому что шерсть на ней вроде моей, а штаны она носит холодные, одна кружевная видимость [5, с.7]." (Ю.В. Новикова)

Вот что пишет М.М. Голубков: "В экспозиции повести, нарочито конкретной, бытовой, заземленной, образованный читатель 20-х годов мог бы угадать мотивы поэмы А.Блока «Двенадцать»: вьюга, черный вечер, белый снег, «буржуй» Преображенский, упрятавший нос в воротник, приманивает куском дешевой краковской колбасы шелудивого пса из подворотни.

Вызывая в сознании читателя воспоминания о поэме Блока, Булгаков вступал в полемику с блоковской концепцией революции. Он стремился показать иллюзорность и утопичность представлений поэта о некой изначальной гармонии, которой якобы обладают «новые гунны», и о культуре, которую они могут принести с собой".

Шарик - обыкновенный пес, в нем нет подлости или коварства. Он благодарен Преображенскому за еду и кров - и даже не подозревает, какой чудовищный эксперимент готовятся над ним произвести.

Пес в "Собачьем сердце" - существо, способное мыслить, читать, размышлять, анализировать, делать выводы. Его невольно сравниваешь с Шариковым - Чугункиным - далеко не в пользу последнего. Если Шарик ясно мыслит - то Шариков затемняет свое сознание алкоголем. Шарик бесконечно предан профессору - Шариков пишет на Преображенского поклеп.

Пес даже способен к критике "господ демократов" - «Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать, - тосковал пес, сопя носом, - привык. Я барский пес, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...»

О значимости образа Шарика для прочтения повести пишут Елена Иванова и Плишина.

Так, Плишина говорит о сочетании авторской речи с "речью" Шарика. "Какой же негодяй тебя обварил?" - Повар, каторжник повар! - жалобными глазами молвил пес и слегка подвыл. Итак, автор находится полностью на стороне Шарика. Его рассуждения обладают для автора ценностью. Собачьими наблюдениями открывается повесть, пес буквально на собственной шкуре чувствует, что такое "нормальное питание" и "пролетарии".

Активными номинаторами в "Собачьем сердце" наряду с автором, по мнению Елены Ивановой, выступает профессор Преображенский, доктор Бормеиталь а "бродячий холостой пес" Шарик, которому принадлежит своеобразное первенство в номинировании действующих лиц. "В этом, на наш взгляд,находит свое отражение уникальность позиции Шарика в структуре повествования" (автореферат диссертации ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕ.. ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТОВЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЦЕПОЧЕК.. В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА "СОБАЧЬЕ СЕРДце").

Центром номинирования в повести Иванова называет профессора Преображенского. По ее словам, он является центральным персонажем.

Но и Шарик далеко от него не ушел. Шарик - субъект повествования. Это существо мыслящее, думающее, размышляющее, делающее логические выводы и умозаключения.

Он едва ли не перебарывает гипофиз Клима Чугункина (вспомним, что первым словом Полиграфа Полиграфыча было "абыр" - "рыба" наоборот - слово, которое Шарик прочитал с заду наперед и запомнил).

К основным, передающим большую часть информации, относятся, по мнению Ивановой следующие 4 НЦ:

автор - 14

Шарик, Шариков - профессор - 23

Борменталь - 14

профессор

Шарика невозможно выбросить из системы образов повести. С него все начинается, им же и заканчивается повествование.

"В НЦ-2, гда субъектом номинирования выступает Шарик, реализуется имешо этот оттенок основного значения. Естественно^ что для бездомного пса профессор Преображенский,, по адресу которого у Шарика "не менее двух раз в день наливались благодарными» слезами глаза", давший псу квартиру, еду, заботу,- предмет обожания и восхищения. Причем парадоксально то, что в сознании собаки хранится номинант, окутанный возвышенными коннотациями, обладающий поэтической традицией".

Номинант "божество" встречается и в авторском НЦ - 1. Но здесь уже номинация якобы снижается за счет бытового текстового окружения - описания не самых возвышенных деталей медицинских манипуляций профессора.

Интересно, что к Борменталу отношение у Шарика иное. Профессор называет его "голубчиком" и "уважаемым доктором". Шарик - "злодеем" и "тяпнутым".

Номинация "тяпнутый" / ШЩ~2 / наряду с "волшебник" / ПЩ-1 / функционирует в "Эпilogе", где Шариков превращается в Шарика, "нервный, похудевший" Преображенский - в "седого волшебника", а "до предела взвинченный Борменталь" - в "тяпнутого".

Любопытно, что если Шарик относится к Преображенскому как к верховному божеству (кроме случая с его знаменитым монологом "Братцы живодеры, за что же вы меня?"), то пациенты профессора - более сдержанно, рационально, но не без оттенка восхищения, восторга - называя его "магом", "чудесником", "волшебником", "чародеем".

Отношения Шарика и профессора в начале повести напоминают отношения господина и раба.

Он надо мной. О, мой властитель! Глянь на меня.. Рабская наша душа, подлая доля!

Пёс пополз, как змея, на брюхе, обливаясь слезами.

.. ещё, ещё лижу вам руку.

Целую штаны, мой благодетель!

В другом эпизоде, с уже накормленным и наделю проведшим у Филиппа Филипповича Шариком:

– У-у! – скулил пёс-подлиза и полз на брюхе, вывернув лапы.

Пес творит перед профессором "намаз". И даже уже будучи Шариковым, внимает требованиям профессора, который воспитывает его.

Кроме того, Шарик разделяет неприязненное отношение профессора Преображенского к пролетариату.

Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий [8. С. 105].

"Оценочная метафора, выраженная именем гадина (гад), - пишет Н.И. Маругина, - в своем исходном значении «пресмыкающееся или земноводное» является принадлежностью понятийной сферы-источника «животное». Животные пресмыкающиеся и земноводные обитают на земле, под землей, в водоемах, т.е. имеют низкое положение по отношению к человеку в пространственном образе мира. Признак низменности, ничтожности привносится в смысл метафорической номинации, где реализуются признаки «мерзкого, отвратительного» человека, которые фиксируют его низкое положение в мироздании в силу того, что он несет в мир зло".

В другом фрагменте повести находим:

Дворники из всех пролетариев – самая гнусная мразь. Человечьи очистки – самая низшая категория.

Итак, пролетариат в восприятии Шарика коннотирован таким образом: гадина – мерзкий, отвратительный, тварь – недостойный, подлый, очистки – негодные, подлые.

Многие события повести даны через призму восприятия пса, собаки. "Звуковые картинки повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» имеют следующие направления метафорического моделирования: выделяются метафорические единицы, связанные ассоциативной паутиной «животного начала», репрезентируемой звуковыми образами собаки. Звучание собаки переносится на звучание артефактов предметного мира.

К примеру, лай грузовика (исходное значение: “обычный звуковой сигнал для собаки, который характеризуется громкостью, отрывистостью, резкостью”). Громкий звук (лай) в эмоциональном плане всегда ассоциируется со страхом, волнением, агрессивностью (чем агрессивнее настроена собака, тем ниже звук лая). В результативном значении “звук, издаваемый транспортным средством”, является громким, интенсивным, способным вызвать чувство страха (подобно собачьему лаю, возникшему внезапно).

Звукообраз собаки используется в качестве сферы-источника при характеристике человека. Например, - Чего ты? Ну, чего ты лаешься? - умильно щурил глаз пес (о Дарье Петровне) [Булгаков, 1988, с. 134]. Звучание собаки ассоциируется со ссорой, бранью, с неким выражением определенного настроения, чаще недовольства и несдержанностью в проявлениях эмоций. Оттенки человеческой речи в представлении через звуковой образ собачьего лая свидетельствует о состоянии эмоциональной нестабильности, проявления гнева и агрессии" (Н.И. Маругина).

Любопытно, что Шариков впоследствии, "уже будучи человеком", ведет себя не лучше, чем собака.

Человек, казнив блоху, отошел и сел на стул. Затушив папиросу, он на ходу лязгнул зубами и сунул нос под мышку [Там же, с. 153]. Разве я просил мне операцию делать? - человек возмущенно лаял [Там же, с. 152]. - И очень просто, - пролаял Шариков от книжного шкафа [Там же, с. 156]. - Я воевать не пойду никуда! - вдруг хмуро твякнул Шариков в шкаф [Там же, с. 157]. - Я тяжело раненный в голову при операции, - хмуро подвыл Шариков, - меня, вишь, как отделали, - и он показал на голову. Поперек лба тянулся очень свежий операционный шрам

(цит. по: Н.И. Маругина).

Маругина находит хищническое, животное начало и в профессоре. В ход идут глаголы, используемые автором при описании операции Шарикова, а также фрагменты некоторых других мест:

Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. Но я не Айседора Дункан! - вдруг рывкнул он, и багровость его стала желтой.

Сюда их, - хищно скомандовал Филипп Филиппович. - Доктор Борменталь, умоляю вас, оставьте икру в покое. И если хотите послушаться доброго совета: налейте не английской, а обыкновенной русской водки

Будьте любезны, - змеиным голосом обратился Филипп Филиппович к Швондеру, - сейчас с вами будут говорить

(цит. по: Н.И. Маругина).

Что же касается Шарика как такового, то Маругина считает нужным рассмотреть ассоциативную связь образа собаки с бесовским началом. "По замечанию Б. Успенского, бес в индоевропейской мифологии

может являться как в образе змеи, так и в виде собаки (например, явление беса в образе черного пса в житии Феодосия Печерского); равным образом, ведьмы, по славянским представлениям, могут оборачиваться собаками [Успенский, 1982, с. 66]. Бесы, согласно народным поверьям, вездесущи и умеют быстро перемещаться в пространстве. Бесы очень любят непогоду осенью и зимой: в это время они беснуются по лесам и полям, хрюкают, визжат, чавкают, воют, плюются и кувыркаются, кружась в бешеной пляске, поднимая бурю и метель, уводя одинокого путника с пути [Шапарова, 2003, с. 92].

С особым вниманием и тщательностью М. Булгаков работал с языковыми единицами, представляющими перцептивный опыт и мироощущения собаки. Нужно отметить, что характерной особенностью собаки как биологического вида является способность воспринимать внешний мир с помощью органов чувств, каналов перцептивной связи - зрительным, слуховым, осязательным, которые являются высокоразвитыми у данных живых существ. Способность к перцепции осмысливается в метафорических выражениях повести как путь к познанию истины и сути вещей".

Особо касается исследовательница обонятельных способностей Шарика:

"Пес собрал остаток сил и в безумии пополз из подворотни на тротуар. Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката «Возможно ли омоложение?» Натурально возможно. Запах омолодил меня, поднял с брюха, жгучими волнами стеснил двое суток пустующий желудок, запах, победивший больницу, райский запах рубленой кобылы с чесноком и перцем [Булгаков, 1988, с. 108, 109]. Для определения значимости конкретно-чувственных каналов, при помощи которых живое существо может получать информацию о мире, обонятельные рецепторы, их функции занимают совершенно особое место. Интересно заметить, что собака в состоянии воспринимать и одновременно подразделять множество разных запахов. Можно даже сказать, что собака воспринимает окружающую среду через некую «призму запахов», прежде всего запахов пищи. Как видим, в данных текстовых фрагментах метафорические образы обонятельных ощущений связаны с ключевой понятийной сферой «еда, пища» концепта «собака». Суть данного метафорического фрагмента - в столкновении через понятие запаха образов рай и рубленая кобыла с чесноком и перцем, их отождествления".

Для Шарика, как позже для Шарикова, да и для самого профессора Преображенского, особым понятийным значением обладает сфера съестного. Прежде всего, как было замечено, Шарик носом чует запахи еды.